

вне всякого сомнения, стояли «Сказание о Феофиле» и, особенно, «Сказание о Протерии», самое распространенное в письменности и глубоко проникшее в фольклор.¹

Но возникновение оригинальных русских демонологических произведений, подобных «Повести о Савве Грудцыне», объясняется не только наличием в русской письменности этих переводных произведений, но и наличием всего того материала, лигатурного и нелитературного характера, который создавался на русской почве под их влиянием.

Только в этом средоточии литературной традиции, демонологических представлений, фольклора и быта русского средневековья и можно найти объяснение сходства «Повести о Савве Грудцыне» со сказаниями о Феофиле и Протерии.

Если демонологический сюжет «Повести о Савве Грудцыне» можно в целом сравнивать со сказаниями о Феофиле и Протерии, то этого нельзя делать с его отдельными элементами. Так, напр., развязка «Повести о Савве Грудцыне» в своих деталях имеет мало общего с указанными сказаниями. Все обстоятельства, сопровождающие выздоровление Саввы, описаны несколько иначе, чем выздоровление (или избавление от дьявола) Протерия и Феофила. В этой своей части «Повесть о Савве Грудцыне» теснейшим образом соприкасается с получившими в XVII в. широкое распространение в Московской Руси сказаниями о «чудотворных» богородичных иконах. Эти сказания ни в коем случае не следует смешивать с западноевропейской переводной легендой, относящейся к культу девы Марии. Они находятся в прямой генетической связи с византийской богородичной легендой.²

¹ О том, насколько глубоко проникло «Сказание о Протерии» в фольклор славянских народов, можно судить хотя бы по следующей литературе: В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I, 1891, стр. 650, № 9. В. Гнатюк. Этнографический сборник, т. III, 1897, стр. 80—82. № 32. Н. Костомаров. Памятн. старин. русск. литературы, СПб., 1860, т. I, стр. 191. М. Возняк. Історія української літератури. Львів, 1924, стр. 132. Научный сборник товариства «Просвіта» в Ужгороді. I (статья М. Возняка). Записки Наукового Товариства імені Шевченка, 1902, т. 49, стр. 251. № 210.

² В то время, когда на католическом Западе складывался и получал широкое распространение культ девы Марии, — и даже на несколько столетий раньше этого времени, — на византийском Востоке также возрастало ее почитание. Исторические события, происходившие в жизни Византийской империи, начиная с VII в. и кончая падением Константинополя, создавали особое направление в литературе о деве Марии. Во время весьма частых нападений на Византию различных восточных народов (персов, арабов), а позже — славян, в Византии возникает особое почитание богородичных икон. Духовенство принимает весьма деятельное участие в обороне города, воздействуя на религиозное чувство граждан. Обход, во время осады Византии, городских стен религиозной процессией с патриархом во главе и с иконами богородичных икон делается обычным явлением. Любопытно, насколько это почитание богородичных икон глубоко входит в миропонимание и быт византийцев. В царствование Ираклия (VII в.)